

Шу Сыбо медленно вернулся за письменный стол и обратился к Инь Жосинь:

— Я просто напоминаю тебе, что пора бы уже заняться Шу Бэйюанем. Если ты не справишься, я возьму это на себя.

Для Шу Сыбо, управляющего всем кланом Шу, проблема отношений Шу Бэйюаня была одновременно и важной, и незначительной.

В этом вопросе Шу Сыбо и Инь Жосинь оставались союзниками. Если бы Инь Жосинь смогла решить эту проблему, ему не пришлось бы вмешиваться.

— Хорошо... — Инь Жосинь стиснула зубы и направилась к двери. — Я поняла...

Когда Шу Бэйюань отправился к Цзян Чицю, он специально не взял с собой ассистентов и телохранителей, что для наследника такого богатого клана было крайне рискованным поступком.

Однако Шу Бэйюань не ожидал, что даже в этом случае его местонахождение будет сразу же передано родителям доверенным водителем.

В первый день Нового года в доме клана Шу по-прежнему царил привычная суета.

Что касается Цзян Чицю...

После того как он проводил Шу Бэйюаня, его биологические часы сбились, и он снова заснул.

В конце концов его разбудил звонок телефона.

Цзян Чицю в полусне взял телефон и инстинктивно включил ночник.

— И Маньмань? — Увидев это имя, он моментально проснулся.

Как император кино, Цзян Чицю обладал высокой степенью свободы в своей работе.

Обычно И Маньмань не сопровождала его на обычных мероприятиях, и если она звонила, это всегда означало, что возникли серьезные проблемы на работе.

Вспомнив звонок, который он получил прошлой ночью, Цзян Чицю почувствовал недоброе предчувствие.

Он ответил на звонок и сел на кровати.

— Алло, сестра Маньмань, — тихо вздохнул он. — Что случилось?

С другой стороны было немного шумно, и Цзян Чицю услышал, как женщина с тревогой в голосе сказала:

— Дело в том, что твои родственники только что опубликовали несколько фотографий. Хотя это произошло раньше, чем я ожидала, мы уже вернулись в офис и начали разбираться с этим.

Сказав это, на фоне раздался звук открывающегося лифта. И Маньмань сделала паузу и ускорила речь:

— Сначала посмотри в интернете, будь готов, и если вспомнишь что-то важное, свяжись со мной. Я уже в лифте.

После этого она положила трубку.

Закончив разговор, Цзян Чицю с телефоном в руке подошел к окну, резко открыл шторы и приоткрыл окно.

Зимний холодный ветер проник через щель, и как только он включил телефон, то увидел множество тем с пометкой «взрыв».

Нажав на любую из них, он увидел фотографии, которые его родственники недавно предоставили СМИ.

Эти фотографии были сделаны более десяти лет назад, когда он еще не покинул дом.

Цзян Чицю колебался, но все же открыл первую фотографию. На ней был изображен подросток, который казался еще более худым, чем он сейчас, но черты лица остались прежними.

Это была семейная фотография, где Цзян Чицю стоял на самом краю. Он плотно сжал губы, а в его глазах читалась мрачность.

Это Цзян Чицю?

У всех, кто видел эту фотографию, в тот момент возник тот же вопрос.

Остальные фотографии были похожими — подросток Цзян Чицю жил в старом многоквартирном доме, и, несмотря на то, что с ним фотографировались разные люди, он всегда сжимал губы, а его взгляд был пустым.

Немного отличалась только последняя фотография — на ней была изображена не сам Цзян Чицю, а пожелтевший листок, вырванный из тетради.

Листок был старым, с загнутыми краями и пожелтевшим от времени.

Тем не менее, надпись на нем была четко видна: «Уйти отсюда! Уйти отсюда! Я хочу уйти! Пусть все сдохнет! Мне надоела такая жизнь!»

Почерк Цзян Чицю был красивым, и многие фанаты шутили, что они являются его поклонниками каллиграфии.

На этом листке почерк был чуть более незрелым, но в остальном практически не отличался от того, каким фанаты запомнили почерк великого императора кино.

Увидев эту фотографию, Цзян Чицю также вспомнил, что этот листок действительно был написан им самим.

Как только он закончил просмотр фотографий, И Маньмань снова позвонила.

— Чицю, ты видел эти фотографии? Мы планируем сделать пиар-ход, связанный с ними. Есть ли что-то, что ты хотел бы особо отметить? — спросила И Маньмань, уже находясь в офисе.

Цзян Чицю слегка покачал головой, а затем понял, что собеседница не видит его выражения лица.

— Я видел. Фотографии в основном сделаны, когда я учился в средней школе. После того как я поступил в интернат, я редко бывал дома.

— Хм... — Услышав его слова, И Маньмань немного успокоилась.

— Последняя фотография... — Цзян Чицю задумался. — Это тоже я написал тогда... В то время я часто писал такое в тетрадях.

Он встал и протянул руку к окну:

— Тогда мои родственники не хотели, чтобы я уезжал учиться в другую школу, вероятно, боясь, что я сбегу. Обучение в другой школе было дорогим, и необходимо было жить в интернате, они не хотели платить за это. Но стипендия была доступна только троим в классе, и я часто писал такое, чтобы мотивировать себя.

Цзян Чицю говорил очень спокойно, и по телефону И Маньмань не могла понять, с какими чувствами он это произносил.

— Хорошо, я поняла, — она слегка замолчала. — Держи телефон под рукой, если что-то случится, я свяжусь с тобой.

После этого она положила трубку.

Незаметно Цзян Чицю тоже постоял у окна, ощущая холодный ветер.

Закончив разговор, он наконец почувствовал холод и, закрыв окно, вышел из спальни.

В гостиной он снова достал телефон и перечитал тексты, которые сопровождали фотографии в различных медиа.

— Император кино Цзян Чицю с момента своего дебюта никогда не говорил о прошлом. Это скромность или поддержание ложного имиджа?

Этот медиа-аккаунт, похоже, был источником фотографий, и Цзян Чицю увидел, что большинство комментариев под ним были насмешливыми — у Цзян Чицю была хорошая репутация среди случайных зрителей, но это не означало, что все его любили.

Зрители больше всего любят смотреть, как кто-то падает с пьедестала, а Цзян Чицю был идеальным кандидатом для этого в шоу-бизнесе Хуаго.

Благодаря намеренному подстрекательству медиа, эмоции людей были подогреты.

— Цзян Чицю с момента дебюта близко общался с высшими кругами, и все думали, что он тоже из этого класса. Теперь, оглядываясь назад, можно сказать, что его менеджер определенно направлял его.

— Я слышал, что Цзян Чицю очень любит посещать светские вечеринки, буквально пробивается в высшее общество... И это только то, что на поверхности, а что уж говорить о том, что происходит за кулисами.

— Слова на последнем листке Цзян Чицю действительно шокируют. Он проклинал свою семью? Как это отличается от того имиджа, который он создавал все эти годы.

С точки зрения Цзян Чицю, оригинальный хозяин тела не сделал ничего плохого в этой ситуации. Причиной такого резонанса стало то, что люди ожидали от него слишком многого, практически считая его богом.

Но Цзян Чицю не был богом, он даже не был идеальным человеком.

Обнаружив, что Цзян Чицю не был тем аристократом, каким они его представляли, многие начали ненавидеть его за создание ложного имиджа или обман.

Некоторые даже начали строить догадки.

Прочитав несколько комментариев, Цзян Чицю снова почувствовал эмоции, принадлежавшие оригинальному хозяину тела.

Он невольно прикоснулся к своему лбу и направился к ближайшей барной стойке.

Вчера вечером он планировал открыть бутылку красного вина, но внезапный визит Шу Бэйюаня нарушил его планы.

В итоге он не пил, но бутылка, которую он достал, все еще стояла на месте.

Цзян Чицю подошел и взял бутылку, налив себе немного вина. Потом, потягивая его, он спокойно продолжал читать комментарии.

Было видно, что И Маньмань и ее команда уже начали работу, и комментарии, которые сначала были однозначными, начали меняться.

<http://bllate.org/book/15283/1352879>